

БОЛЬШОЙ
РОМАН

КНИГИ Ж.-М. ГЕНАССИЯ

Клуб
неисправимых
оптимистов

Удивительная жизнь
Эрнесто Че

Обмани-Смерть

Вальс деревьев и неба
Роман о Ван Гого

О влиянии Дэвида Боуи
на судьбы
юных созданий

Жан-Мишель
ГЕНАССИЯ

О ВЛИЯНИИ
ДЭВИДА БОУИ
НА СУДЬБЫ
ЮНЫХ
СОЗДАНИЙ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Г 34

Jean-Michel Guenassia
DE L'INFLUENCE DE DAVID BOWIE
SUR LA DESTINÉE DES JEUNES FILLES
Copyright © Editions Albin Michel — Paris 2017

Перевод с французского Риммы Генкиной

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Издание подготовлено
при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-15478-0

© Р. К. Генкина, перевод, 2019
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство Иностранка®

Потому что — по крайней мере, пока ты
молод — в этом долгом обмане, называемом
жизнью, ничто не кажется таким отчаянно
желанным, как опрометчивый шаг.

Франсуаза Саган. Смутная улыбка

«Con te partirò»¹

Я лесбиян, существо неоднозначное, трудно-определимое, не подлежащее истолкованию и редко упоминаемое. И не внушающее доверия. Те, кто пытается меня охарактеризовать, лейтмотивом повторяют прилагательное «двусмысленный». Некоторые дамы заменяют его на «сомнительный».

Тем хуже для них.

А мне нравится пребывать в полутьме. Или ощущать себя подвешенным в вышине, словно канатоходец над пустотой. Я не желаю прибываться ни к какому лагерю, предпочитая опасность пограничной зоны. Вроде бы и не одно, и не другое. Если однажды вечером вы столкнетесь со мной в метро или в баре, то обязательно начнете меня разглядывать, впадая в недоумение, а то и в расстройство, и вас начнет мучить вопрос вопросов: это мужчина или женщина?

А ответить на него вы не сможете.

Вы будете всматриваться в меня, подмечая каждую деталь, но мое тело, упрятанное в си-

¹ «Con te partirò» — известнейшая песня итальянского певца Андреа Бочелли. (Здесь и далее — примечания переводчика).

ний бесформенный дафлкот¹, не даст вам никаких подсказок. И вы так и останетесь в неведении. И смущении. В любом случае, решение за мной. Захочу ли я уйти с ничейной земли или так на ней и останусь. И если я не захочу, вы никогда не узнаете, кто я.

Если вы решили, что речь идет о фривольном расположении духа, за которым мерещится обещание сексуальных угод и притягательных мерзостей, если такова была ваша реакция, то вы непроходимо глупы, и по этой части — мой скромный опыт тому порукой — мужчины и женщины стоят друг друга. Секс меня особо не интересует, если только он не явился завершением давнего страстного желания. А что меня привлекает, так это игра с предначертанностью, тайна неизвестного, таящего в себе открытие. Хочу сразу прояснить как минимум один момент: пусть я могу иногда выглядеть как женщина, но я не гомосексуалист и никогда не испытывал ни влечения к другому мужчине, ни соблазна обзавестись такого рода опытом; кстати, геи не обращают на меня внимания, потому что принимают за женщину. Зато я счет потерял придуркам, которые липли ко мне, нашептывая на ушко: «Знаешь, у тебя такие красивые глаза». Ничего нет отраднее, чем наблюдать, как они растворяются в собствен-

¹ *Дафлкот* — прямое пальто с капюшоном, навесными петлями и продолговатыми пуговицами — один фасон для мужчин и для женщин.

О влиянии Дэвида Боуи на судьбы юных созданий

ных слюнях, когда я отвечаю им низким голосом: «А у тебя не очень». Забавно (или грустно) видеть, до какой степени мы ничего не знаем о других, довольствуясь тем, что проецируем на них собственные фантазмы в надежде, что они найдут отклик.

Я стараюсь противостоять этой неизбежности.

У меня обманчивая внешность, я кажусь выше, чем в действительности, благодаря художавому, почти угловатому телосложению; блондинистый арлекин с вьющимися волосами до плеч — достаточно пары пустика, чтобы придать мне женственный вид, но я держу все под контролем и пользуюсь этим только тогда, когда сам того хочу; я не подкрашиваю лицо, не накладываю ни тон, ни помаду, не ношу платьев и украшений, я ношу нейтральную одежду: черные брюки и рубашки, мокасины. Я по собственному желанию лавирую, меняя приметы пола: жест, улыбка, манера взглянуть на вас. Мужчина или женщина — обычно это идентифицируют с первого взгляда. Наша половая принадлежность написана у нас на лице.

Это ужасно.

А я в долю секунды решаю, быть мне мужчиной или женщиной, но отказываюсь выбирать между двумя частями самого себя — я по собственной прихоти становлюсь то одним, то другим, и столько времени, сколько мне угодно. Мне повезло: я могу избавиться от шаблонов, которые дают на нас, от нестираемого

клейма, могу воспользоваться прелестью сомнения. И очень дорожу этой роскошью.

Помимо внешности и повадок, все решает голос. Возможно, благодаря абсолютному слуху я могу играть голосом, как мне заблагорассудится, добавлять в него немного огня, издавать звуки глоткой, как мужчина, или животом, как большинство женщин. До сегодняшнего дня голос ни разу меня не подводил.

Я мужчина с переменчивой внешностью, и я люблю женщин. Только их. Вопреки тому, что бросила мне Мелани (номер третий или четвертый, зависит от того, как считать), я во все не скрытый гомосексуал, она просто ничего не поняла, я счастливый гетеросексуал. (Интересно, почему всегда легче дать себе определение, отталкиваясь от того, чем вы не являетесь?)

Одна история поможет вам лучше понять, что мне пришлось пережить. Это мое самое давнее воспоминание. Было мне четыре-пять лет. Когда мы гуляли с Леной в парке Бют-Шомон, что случалось не часто, мы держались за руки, потому что она питала необъяснимое отвращение к детским коляскам, и время от времени присаживались на скамейку передохнуть; часто рядом оказывались другие женщины, тоже выгуливающие детей, и им хотелось поболтать. Задача оказывалась не из простых, потому что мать всегда терпеть не могла пустой треп и отвечала на все вопросы односложно, стараясь отвести меня подальше. Женщи-

О влиянии Дэвида Боуи на судьбы юных созданий
ны смотрели на меня, широко улыбаясь, некоторым даже удавалось погладить меня по щеке, и в конце концов неизменно спрашивали: «Это девочка или мальчик?» Мать оглядывала меня и отвечала: «Пока не знаю».

*

Я родился под знаком сложностей, от родительницы, которая перекрывала мне кислород. Ну, не всегда. У нее так получалось не нарочно, она тоже очень своеобразная, скажем, жить ей не очень просто. А может, это у меня редкий дар во все вносить неразбериху. Такое вполне возможно, я сам иногда запутываюсь, и, кроме Алекса, все люди, которые со мной сталкиваются, говорят, что им сложно ко мне приноровиться. С Алексом дело другое. У него тоже свои странности, я вам расскажу позже.

Или не стану.

А еще я вам расскажу, какие причудливые обстоятельства привели к тому, что я взялся записывать эту историю, хотя сама по себе она для меня крайне тяжела. Вот увидите, скучно не покажется. Или ничего я вам не скажу, потому что не уверен, что у меня получится, и кое-что я не готов обнародовать. Еще нет.

*

Я стоял на улице, прислонившись к стене «Макдоналдса». Внутри в зале жара была убийственная (отметим как минус). Я уже готовился сделать заказ, когда почувствовал голово-

кружение, непривычное стеснение в груди и уверился, что сейчас умру на месте. Причиной был не царящий шум, не вскипание крови от солнечного удара в душный полдень, просто, пока я дожидался своей очереди, у меня возникло ощущение, что я старый и изношенный, что мне как минимум девяносто лет и старый козел, в которого я превратился, наблюдает за молодым козлом, который я и есть, с ужасающим осознанием, что моя жизнь от меня ускользает, я просто барахтаюсь на волне событий, увлекающих меня куда-то по своей воле, а сам больше не властен над своей судьбой, и так оно и будет до моего последнего вздоха; я пропустил свою очередь и вышел подышать на свежий воздух.

Прикурил сигарету. Я никогда не был склонен к душевным терзаниям и не размышлял над великими экзистенциальными вопросами; напротив, я терпеть не могу психоанализ и психологию, все это полный вздор. Мне приходилось посещать психиатров, и штатных в коллеже, и других — по их словам, я был сложным ребенком, не подпадающим под обычные категории, — и все они оказывались занудами и извращенками, которые со своими слащавыми улыбочками только и пытались залезть вам в душу, заверяя, что им можно доверять.

Когда я был маленьким, Стелла видела, что со мной что-то не так и в школе проблемы, я все время получал плохие отметки и кучу замечаний — из-за драк на переменах и дисципли-

О влиянии Дэвида Боуи на судьбы юных созданий

лины, — и она так донимала Лену, что та сда-лась и согласилась, чтобы я ходил к психоло-гу, хотя мать знала, что это пустые хлопоты. И была права, проку от этого не было никако-го. Я продолжал гнуть свою линию. Часто драл-ся, потому что маленькие недоумки дразнили меня педиком, я реагировал, как мог — бодал-ся, бил кулаками, царапался, кусался, но особо крепким я не был, а потому всякий раз полу-чал взбучку. В школьном дворе я всегда ока-зывался один против кучи, что сильно ослож-няло жизнь, а сказать, почему дерусь, я не же-лал, тогда мне еще было немного стыдно, я же видел, что отличаюсь от других мальчиков: ко-гда я оказывался среди них, мне казалось, что я марсианин, я думал, что я ненормальный и это моя вина, но не понимал, в чем причина столь явного несходства. Только Алекс вставал на мою защиту, дрался на моей стороне, так он и стал моим приятелем. Единственным, кото-рый у меня когда-либо был. Я продолжал хо-дить на сеансы к психотерапевтам, эти бабы хо-тели меня разговорить, но я помалкивал. Я уже понял, что лучше мне не распускать язык, и мог промолчать все сорок пять минут сеанса. Их это бесило. Но если разговаривать с ними, по-лучится, что тебе не удастся общаться с други-ми, с теми, с кем действительно надо разгова-ривать. Так ведь? А тогда какой смысл? Мне не-чего было им сказать. Я бы хотел поговорить с матерью. Но о ней можно писать целый трак-тат по психологии.

Вот так. Главное сказано.

*

Я Поль, со всеми своими набитыми шишками и провалами, мне семнадцать с хвостиком, и у меня нет никакого прозвища, я этого терпеть не могу. У меня две матери, и я заткну пасть любому, кто скажет, что это счастье или блаженство. Возможно, сироты сочтут это везением, но плевать мне на сирот, они не понимают, как повезло им самим: они могут жить одни.

Мою мать зовут Лена. Настоящее ее имя Элен, но она его ненавидит, и только я, когда хочу ей досадить, так ее называю. Однажды воскресным утром за завтраком она была в хорошем настроении или, вернее, в материнском (такое с ней случается приблизительно раз в год), и я сказал, что мне, например, нравится ее имя, и спросил, почему оно ей так претит; она уставилась на свой тост с маслом и апельсиновым джемом, надолго погрузилась в раздумье, уносясь мыслями куда-то далеко, а потом пожала плечами и пробормотала:

— Потому что мне его дали родители.

Я подумал, что вот и пришел наконец момент поговорить, что она сейчас расскажет мне историю своей семьи, о которой я ровно ничего не знал.

— Но почему? Что они такого сделали?

Она долго рассматривала тост, слизнула джем, который едва не потек.

— Да пошел ты!

О влиянии Дэвида Боуи на судьбы юных созданий

Я и до сих пор не знаю, что же произошло, есть ли у меня дедушки-бабушки, дяди, тети, кузены, — полная тьма. Ее фамилия Мартино. Как и моя. Но всяких Мартино в телефонном справочнике пруд пруди. Однажды вечером, когда ресторан уже закрывался, я спросил у Стеллы, рассказывала ли ей что-нибудь мать. И по ее лицу сразу увидел, что вопрос был затруднительный. Она долго колебалась.

— Нет, абсолютно ничего. Лучше эту тему не трогать.

Стеллу зовут не Стелла. Ее зовут Эстель. Но ей кажется, что это имя какое-то трусливое, а Стелла куда лучше. Стелла — подруга моей матери. Она на восемь лет ее старше. Они вместе уже двенадцать лет. Стелла — лучшее, что с матерью случилось в жизни, и она сама так говорит. В кои-то веки я с ней согласен. Она повторила это снова, произнося тост, когда мы праздновали сорокапятилетие Стеллы, на той неделе, перед толпой собравшихся приятельниц.

В очередной раз я был единственным мужчиной среди присутствующих.

Она напустила на себя преувеличенно серьезный вид, почти мрачный, когда взяла слово. Как если бы хотела сообщить печальную весть. Встревоженная Стелла нахмурилась. Мать залпом выпила свой бокал шампанского и потребовала, чтобы никто, она настойчиво повторила: никто! — никогда больше не поздравлял ее с днем рождения. Ей скоро должно исполниться тридцать семь лет, и она не желала ни

отмечать это, ни от кого-либо получать подарки. На ее взгляд, нечему было радоваться. Торты, как всегда, нарезал я и, тоже как всегда, старался делить на неравные куски — самый маленький я преподнес матери.

— А я, разве я не лучшее, что случилось в твоей жизни?

Для Лены такие заявления — обычное дело. Однажды, покупая электрические лампочки в супермаркете, она объявила нам, что отныне будет вегетарианкой. В другой раз, глядя на экран телевизора, где шел репортаж о таянии пакового льда, она возвестила, что завещает свое тело науке.

Секундой раньше она об этом и не помышляла.

Но потом она вцепляется в свое решение, как если бы от этого зависела ее жизнь, и никто не может заставить ее передумать. Это одна из редких черт характера, общих для нас обоих. Я так же упрям, как она, и скорее дам себя расстрелять, чем признаю, что сказал или сделал глупость. Особенно когда сам это осознаю. То есть довольно часто. Зато моя мать действует всегда импульсивно и необдуманно. В этом заключается ее очарование, утверждает Стелла, когда ей удастся сдержать себя и не взорваться в ответ на очередную выходку. Например, когда мать вваливается на кухню, где Стелла печет блины, как она всегда делала на Сретение, впадает в ярость из-за этой дерьмовой жратвы, которая лезет у нее из ушей, отправляет всю готовку в ведро и предупреждает, что больше не

О влиянии Дэвида Боуи на судьбы юных созданий

желает слышать слово «блины» в этом доме. Или когда она находит себе в «Студии» новую приятельницу, неразлейвода до самой смерти, приводит ее на рассвете, пьяную в хлам, и, не спросив мнения Стеллы, устраивает ее у нас, потому что той якобы некуда деваться. Или когда она одалживает деньги старой подруге, которая тут же испаряется. Или ее мерзкая привычка то и дело приглашать в дом девиц, стремление за все платить, хотя ей не удается оплачивать счета «Студии». С ее известностью она должна бы в золоте купаться, но она тратит деньги не считая и открывает свой кошелек всем, кто ни попросит; она клянется, что ей на это плевать, она, мол, артист, а не коммерсант. Все это выводит Стеллу из себя, потому что именно ей в конце месяца приходится подбивать итоги, задаваясь вопросом, куда делись деньги, и затыкать дыры. Или когда она под настроение купила этот чудовищный ярко-красный кожаный диван, который ей приглянулся, и пришлось вытаскивать всю мебель из гостиной, чтобы впихнуть его в угол. Зато когда Лена заявила, что решила и сделает себе татуировку на висках и на лбу в виде племенных знаков маори, Стелла спокойно ответила: «Предупреждаю, если ты это сделаешь, я немедленно от тебя уйду». Лена дала задний ход и спустила дело на тормозах. Хотя бы временно. Но я уверен, что это ее гложет. И однажды она еще преподнесет нам сюрприз.

Моя мать сама по себе произведение искусства, аттракцион в одном лице.

Она худая, может есть что захочет, весит столько же, сколько в шестнадцать лет, тело ее покрыто татуировками от пяток до основания шеи, их как минимум десятка три, в разных стилях. Поскольку она постоянно ходит в ко-сухах, это не всегда заметно; только лицо и кисти рук остались нетронутыми. Именно по этой причине она старается носить одежду с короткими рукавами даже в разгар зимы — обе ее руки до запястий покрыты рисунками. Творения самых известных мастеров в этой профессии: Джека Руди, Эда Харди или Пола Тиммана, она работала с ними в Лондоне и в Штатах. И мечтает только об одном: вернуться туда.

Когда мы вместе отправились на пляж или в бассейн (такое произошло всего два раза), она устроила целый спектакль, и в обоих случаях дело обернулось плохо. На пляжах вообще полно придурков, и пляж Перрос-Гирека¹ не исключение, судя по неприятным комментариям, вроде того, что сегодня, оказывается, Хеллоуин, и прочим сальным замечаниям, на которые она реагировала в довольно резкой форме, то есть чередой грубых оскорблений и мстительной демонстрацией среднего пальца. Стелле пришлось вмешаться, чтобы все не закончилось совсем скверно, мы быстренько смылись под градом шуточек, забились в снятый нами домик и не вылезали из него всю оставшуюся

¹ *Перрос-Гирек* — курортный городок в Бретани, на побережье Ла-Манша.

О влиянии Дэвида Боуи на судьбы юных созданий

неделю, играя то в клуэдо¹, то в лудо², разумеется, за исключением матери, которая терпеть не может любые игры; эта неудачная поездка в Бретань только укрепила ее ненависть и необъяснимое отвращение к блинам и тем, кто их изготавливает, — ведь именно там они являются национальным блюдом. Что до нашего посещения бассейна Пармантье в Париже, то оно завершилось в рекордно короткие сроки, превратившись из купания, которого мы так ждали, в кулачную потасовку. Досталось и местному спасателю, который встрял в конфликт, в результате придурок оказался в воде, а мы вне ее, навеки завязав с парижскими бассейнами, где стали персонами нон грата.

Вот по какой причине мы проводим отпуск в Лимузене, в глухом углу, который не засечь GPS, между Гере и Обюссоном, в доме родителей Стеллы, и катаемся на велосипедах, катаемся, катаемся, катаемся, но только не она, потому что она терпеть не может спорт в любых его формах и проявлениях, а еще она не выносит деревенскую жизнь больше двух дней, она от нее задыхается и впадает в депрессию, а потому мать решила безвыездно сидеть в Париже, особенно в августе, когда оттуда убрались все придурки.

¹ *Клуэдо* — настольная игра для трех-шести человек, в ходе которой имитируется расследование убийства в загородном особняке.

² *Лудо* — настольная игра с фишками, игровым полем и костями. Другое название — парчис.

*

Не существует двух более разных женщин, чем эта парочка. Невозможно понять, что они делают вместе и что нашли друг в друге. Мать упорно придерживается образа мальчишки-сорванца, одевается и ведет себя соответственно, не знает, что такое расческа, причесывается пальцами и неспособна произнести двух фраз, не перебрав «черт, член, козел, достал, дерьмо», не упускает случая с удовольствием шокировать так называемых буржуа, хотя все это ей уже не совсем по возрасту, не отказывается ни от чего, что манило ее в молодости, смолит попеременно сигариллы, сигареты с ментолом и любимые самокрутки, которые умудряется скрутить меньше чем за десять секунд, хотя и клянется, что стала меньше курить, высасывает не меньше дюжины банок темного бельгийского пива в день, знает лучшие точки, где можно добыть ливанский план, который мигом отправляет вас за облака, может занюхать дозу, как в двадцать лет, чтобы встряхнуться, и по-прежнему в силах протусить всю ночь в клубе и отправиться потом работать. Стелла отказалась от мысли ее урезонить, осознав, что чем больше она старается, тем больше Лена курит и пьет. Вот поэтому у нее хриплый голос исполнительницы блюзов и пожелтевшие кончики пальцев. Когда на дне рождения Стеллы она с двумя приятельницами устроила конкурс на самую большую мастырку, на нее напал при-

О влиянии Дэвида Боуи на судьбы юных созданий

ступ дикого кашля, глаза покраснели, на лбу проступил пот и дрожала она как осиновый лист. Я ей сказал, что не мешало бы подумать о себе, а она ответила, что плевать, доживет ли она до старости, ей важно жить. Просто жить.

И что пора бы мне расправить крылышки.

Я не знаю, как Стелла умудряется ее выносить. Я бы уже давно послал ее куда подальше. Наверно, это и называется любовью. Когда двоих соединяет намертво какая-то субстанция. Но не очень-то приятно до бесконечности глотать пилюлю за пилюлей, понимая, что ничего не можешь с этим поделать. Я бы не потянул и десятой доли того, что ей приходится терпеть. Конечно, я преувеличиваю и даю несколько искаженное о ней представление в этом рассказе, слишком коротком, — когда я его перечитал, то понял, что мать получилась каким-то исчадием ада. Это не совсем так. Большую часть времени жить с ней здорово. Только временами на нее накатывает. Внезапно. Без предупреждения. Как лавина обрушивается. И тогда ее несет, а сопротивляться она не может, словно что-то толкает ее изнутри. И никто не способен ее удержать. Стелла умеет тормозить ее, чтобы все не пошло совсем уж вразнос, только ей удается заставить мать держать себя хоть в каких-то рамках. И та ей за это признательна. Стелла наш ангел-хранитель. Я ей так и сказал, и не знаю, что с нами было бы без нее. Напрасно я ищу в ней недостатки, их у нее нет.

Кроме одного, маленького, я о нем потом расскажу.

У Стеллы невероятный запас терпения, она никогда не нервничает и может повторять одну и ту же мысль десятью разными способами, чтобы мягко вас убедить, от нее исходит ощущение силы и зрелости, как если бы она прожила несколько жизней. К тому же она просто великолепна. Ей сорок пять, но выглядит она лет на десять моложе, пьет мало, не курит, не красится и каждый день по часу занимается йогой. Похоже, что у Стеллы тоже есть одна татуировка, хотя никаких подтверждений у меня не имеется, наверно, она расположена в таком месте, которое я никогда не увижу; зато Лена, которой тридцать шесть, выглядит на десять лет старше. Даниэль, отец Стеллы, рассказывал, что, когда она еще училась в лицее, ей много раз предлагали сняться в рекламе, но она всегда со смехом отказывалась; все друзья были уверены, что она станет знаменитой манекенщицей. Но она знала, чего хочет. Она стала стюардессой в «Эр Франс» и около пятнадцати лет летала по всему миру. Это ей нравилось. Так она и встретила мою мать — на рейсе из Лос-Анджелеса. Они сошлись очень быстро и так давно, что никто и не вспомнит, Стелла неотделима от нас. Семь лет назад она воспользовалась социальной образовательной программой, чтобы получить профессию повара, потому что решила изменить жизнь, и, сложив вместе выходное пособие и все свои сбереже-

О влиянии Дэвида Боуи на судьбы юных созданий

ния, открыла ресторан на канале Сен-Мартен — «Беретик», в здании бывшей шляпной фабрики, вывеску которой она сохранила, создав декор в стиле дикси.

Но прежде чем приступить к отделке, пришлось пройти через строительные работы, причем масштабные, что требовало и компетентности, и сноровки. У Стеллы возникла не лучшая мысль обратиться к Кристиане, одной из ее давних приятельниц-стюардесс, которая только что открыла свое дело. Подруга была вполне добросовестна и составила совершенно разумную смету (вот только одна из них забыла включить кучу необходимых работ, а другая вносила бесконечные изменения в первоначальный план). Однако Кристиана получила образование по специальности генподрядчика и обладала необходимой квалификацией, чтобы осуществить строительство. Правда, до этого она ничего подобного не делала. И все ее рабочие были исключительно женского пола — она познакомилась с ними на стажировке во время обучения, и опыта у них было не больше, чем у нее, так что в результате получилась такая Шмен-де-Дам¹ на берегу канала Сен-Мартен. Для начала архитекторша, подруга Кристианы, не имевшая навыка такого

¹ Шмен-де-Дам (Chemin de dames (*фр.*) — Дорога дам) — департаментская дорога во Франции. Названа в честь дочерей короля Людовика XV, Виктории и Аделаиды. Вошла в историю как место кровопролитнейших сражений во время Первой мировой войны.

рода работ, ошиблась я уж не знаю в чем, разрешение на строительство перестало соответствовать, стройка была остановлена на четыре месяца, а потом никто не был в состоянии восстановить в точности ход событий, приведший к катастрофе. Я опускаю технические детали, дальше были крики, вопли, рыдания и нервные срывы, угрозы придушить, подать в суд и ненавидеть до гроба. В конце концов Лена перетрясла всех своих приятельниц, которые все время что-то перестраивали в своих домах и разбирались в этом лучше, чем кто-либо, и благодаря Жюдит, ее помощнице в «Студии», неуклюжей поклоннице постпанка, которая когда-то, на заре своей карьеры, работала в этом здании, они закончили стройку, вкалывая как сумасшедшие весь июль и август. Я помню их бледные лица, ночные переживания, панику в ожидании появления комиссии по разрешению на допуск посетителей, и крики радости со слезами, когда это разрешение было выдано. Открытие состоялось под фанфары на год позже предполагаемой даты.

От своих воздухоплавательных лет Стелла сохранила манеры гранд-дамы — всегда идеально причесана и одета со вкусом, но не стоит этим обманываться, вообще-то, она из левых. В первый год ресторан отнимал много времени и сил, потом она придумала хороший ход с антильскими и американскими рецептами в ее авторском исполнении. Клиентура поголовно женская, особенно по вечерам, и до-

О влиянии Дэвида Боуи на судьбы юных созданий

вольно постоянная, а благодаря сарафанному радио зал часто полон. Лена всегда отказывалась ей помогать, сначала потому, что никогда в жизни ничего не готовила и у нее в голове не укладывалось, что однажды ей придется встать к плите, а потом она была слишком занята в «Студии».

В результате в ресторане пашу я.
Эта идея пришла в голову Стелле.

*

Когда я бросил коллеж, единственным, кто мне помогал, была Стелла. Она настаивала, чтобы я туда вернулся, воюя с Леной, которой было плевать: та считала, что я прав, выламываясь из системы, и должен разобраться сам, как сделала она, и вообще, школа жизни — лучшая, чтобы научиться выпутываться из любых ситуаций, а учеба и дипломы никому не нужны. Напротив, утверждала она, все обладатели дипломов — полные придурки, зашоренные и нудные, только самоучки представляют интерес. «Ищи, что у тебя внутри, кто ты на самом деле, разберись, какой жизнью ты хочешь жить, такая у тебя и будет». Я-то хотел играть на рояле, но она запретила. Причем категорически. Мать, которая всегда предоставляла мне полную свободу делать, что я ни пожелаю, которая вообще мной не занималась, ни разу не проверила выученный урок и не помогла сделать домашнее задание, за все мои ученические годы ни разу не появилась в школе

(наверняка она даже не знала, в каком я классе), вдруг встала на дыбы. Когда я поступил в коллеж, учительница музыки обнаружила, что у меня абсолютный слух, и предложила готовиться к поступлению в консерваторию. Она хотела поговорить с матерью, но Лена так и не пожелала с ней встретиться.

— Скажи своей училке, что я ее в гробу видала! Чего она суется, идиотка несчастная?

Разумеется, послание я передавать не стал. Пришлось выворачиваться: мать слишком много работает, у нее очень напряженное расписание, что было истинной правдой, но учительница настаивала. В конце концов Стелла принесла себя в жертву. У нее не было никакого законного права вмешиваться, и она решила, что проще всего выдать себя за мою мать. Она выслушала преподавательницу и сказала, что подумает. Но Лена не собиралась уступать. У меня до сих пор в ушах звенит эхо их споров.

— Никогда мой сын не будет заниматься музыкой, никогда! — орала она.

Понять было невозможно, с чего она так взъелась, эту ее агрессивность — наверняка один из ее всегдашних заскоков; Стелла решила не ставить под удар свою семейную жизнь из-за истории, которая напрямую ее не касалась, и отступилась; я, покоя ради, последовал ее примеру. Больше мы об этом не говорили. А позже, когда я перешел на третий курс, мать Алекса получила в наследство от дяди, которо-

О влиянии Дэвида Боуи на судьбы юных созданий

го давно потеряла из виду, кабинетный рояль, и я все свое время стал проводить у них, перебирая клавиши, мать Алекса мне немного помогала, так я и выучился. На слух. Я запомнил, где какой звук, и с легкостью овладел клавиатурой. Как ни парадоксально, это напоминало арифметику и не представляло особой трудности. Хотя у меня никогда и не было математических талантов, я умел быстро считать в уме, легко умножая и деля двузначные цифры. Ну, сравнительно легко. Я не сдавался, и у меня получилось, хотя мимо сольфеджио я проскочил. Я слушал компакт-диски матери Алекса и открыл для себя музыку, которой не знал: попсу. Дома мать признавала только тяжелый металл: AC/DC¹, «Аэросмит» или «Crucified Barbara»², ее любимую группу. А здесь я раз за разом прокручивал Азнавура, Джо Дассена и Франсуазу Арди — музыку слащавую и бесхитростную, которую я обожал и воспроизводил без проблем. Родители Алекса уходили на работу рано, Алекс отправлялся в коллеж, и квартира оказывалась в моем распоряжении. Я мог играть весь день напролет, и никто мне не мешал. Я прогуливал занятия, перехватывал письма из

¹ AC/DC (сокр. от *англ.* alternating current/direct current — «переменный ток/постоянный ток») — австралийская рок-группа, созданная в Сиднее в 1973 г., считается пионером хард-рока и хеви-метала, одна из самых популярных в мире.

² «Crucified Barbara» — шведская группа, состоящая исключительно из женщин, играющая хард-рок и хеви-метал.

коллежа и отправлял их прямым в мусорное ведро, а когда Лена узнала, что я весь триместр и носа в коллеж не казал, она расхохоталась:

— И хорошо, парень. Ты прав. Они все козлы. Живи своей жизнью. А что ты делаешь целыми днями?

— Пытаюсь понять, чем хочу заниматься. Размышляю.

— Ты с этим поаккуратней, не стоит слишком парить мозги, чем больше ты размышляешь, тем вернее додумаешься до какой-нибудь хрени.

Стелла возводила глаза к небу, пыталась вмешаться и вернуть меня на путь истинный, но ничего не могла поделать против нас двоих. Я втихаря играл на рояле у родителей Алекса, говоря себе, что это не может длиться вечно и нужно пользоваться моментом. В коллеже мне предложили остаться на второй год, Стелла пристала ко мне, как клещ, чтобы я не упустил этот шанс. Я понимал, что слишком поздно начал и недостаточно работал, чтобы стать профессионалом; не так уж много пианистов требуется на этой земле, особенно если у них нет особых способностей и они не умеют играть вместе с другими музыкантами, но мне было плевать. Когда я решил уйти из коллежа, Стелла пошла на отчаянный шаг: она отправилась к родителям Алекса, чтобы попросить закрыть для меня двери их дома и убедить продолжить учебу; они словно с луны свалились,

О влиянии Дэвида Боуи на судьбы юных созданий

узнав, что я практически все время проводил у них. Я и сейчас помню их разговор на кухне. Стелла объясняла им, что они должны сделать, а я не желал участвовать в этой экзекуции, ушел в гостиную и стал играть. Для себя. Помню, я наигрывал «Yesterday», когда увидел, как зашла Стелла. Она впервые услышала, как я играю. Прислонилась к роялю и прикрыла глаза. Я отлично видел, что она внимательно слушает и ей нравится, поэтому пустился в вариации, фиоритуры и повторы. Длилось это довольно долго, минут десять — самая длинная известная интерпретация этого отрывка.

Наконец я остановился.

— Где ты научился?

— Да так, сам.

— И много вещей ты знаешь?

— Я не считал. Несколько десятков. Сейчас работаю над Синатрой. Знаешь такого?

Она ушла, не ответив.

В сентябре, когда стало окончательно ясно, что я ухожу из коллежа и не пойду в лицей, Стелла предложила мне играть в ее ресторане. Я был уверен, что у меня ничего не получится, это будет ужасно, посетители станут жаловаться, но она сумела найти слова, которые меня убедили:

— Будешь играть что хочешь. Классику, эстраду или джаз. Поддерживать такую британскую атмосферу. Никто по-настоящему не слушает. Если будешь плох, никто на самом деле не врубится, если хорош, то, по правде го-

вора, тоже. Погоди, я должна все-таки спросить у твоей матери.

Лена пришла в полное изумление:

— А ты что, умеешь играть на рояле?

Мы отправились в «Беретик», она послушала меня и скривилась:

— Паршивый музон. Каша какая-то! Как ты можешь играть такую хрень?

Казалось, она успокоилась; для нее было совершенно очевидно, что звуки, которые я производил, нельзя назвать музыкой. Но я взялся за дело. Хотя пианино у Стеллы было не ахти. «Чеппел» с тремя педалями, корпус на колесиках, регулируемый по высоте табурет, обитый мольтоном, — никто не мог объяснить, каким образом этот лондонский инструмент приземлился на берегах канала Сен-Мартен. Стелла нашла его в подвале, забытым под брезентовым чехлом, и велела настроить. В своем черном лаковом корпусе оно неплохо смотрится, но низы у него смазанные, и поэтому звуку не хватает четкости и теплоты. К счастью, всем на это плевать. Я играю у Стеллы шесть вечеров в неделю. Кроме воскресенья, когда ресторан закрыт. И я в полном кайфе. Это именно то, чем я хотел заниматься. В другие времена я стал бы пианистом в борделе, к сожалению, их закрыли, или же в кабаре, но их больше не существует, еще я хотел бы быть тапером в немом кинематографе, аккомпанируя фильмам, в Америке я работал бы пианистом в салуне, прекрасная была бы жизнь, но я живу здесь и сейчас, мог бы подвизаться в чайном салоне или

О влиянии Дэвида Боуи на судьбы юных созданий

в гостиничном баре, но тружусь в ресторане, и меня это вполне устраивает. Я здесь, чтобы создавать атмосферу, а не демонстрировать свои таланты. Если посетители думают, что музыку передают по радио, тем лучше. Я играю что хочу, могу целый час импровизировать на тему «*Comme d'habitude*»¹, и никто этого не заметит. Я открыл забытых певцов с потрясающим репертуаром и знаю наизусть все песни «*Platters*»² и Адамо. Я играю и по заказу: японки обожают «*Tombe la neige*»³, американки — «*La vie en rose*»⁴, итальянки — «*Only You*»⁵, англичанки тают от «*Les Feuilles mortes*»⁶. А когда им нравится, они обступают пианино, некоторые подпевают, и чаевые сыплются. Оно и к лучшему, потому что, при всех Стеллиных достоинствах, она немного прижимиста, руководит своим рестораном железной рукой и, хотя сама из левых, с деньгами расстаётся неохотно. Внача-

¹ «*Comme d'habitude*» — в оригинале песня французского певца Клода Франсуа, затем в английском переводе «*My way*» стала одной из самых популярных песен Фрэнка Синатры. Во Франции наиболее известно ее исполнение Мишелем Сарду.

² «*Platters*» — вокальная группа из Лос-Анджелеса, образованная в 1953 г. Известны как авторы и исполнители легкой музыки в период расцвета рок-н-ролла.

³ «*Tombe la neige*» — песня Адамо.

⁴ «*La vie en rose*» — популярная песня Эдит Пиаф.

⁵ «*Only You*» — популярная песня 1950-х, самые известные исполнители — «*Platters*».

⁶ «*Les Feuilles mortes*» — в оригинале французская песня на слова Жака Превера, исполнялась на многих языках. На русском — «Опавшие листья» в переводе Николая Доризо или Марка Лисянского.

Жан-Мишель Генассия

ле я играл бесплатно. Она утверждала, что оказывает мне услугу, раз уж я могу упражняться, и мне это поможет в будущем, добавив строчку к трудовой биографии, которая довольно скудна. И потом, у меня же остаются чаевые. От Стеллы ничего не укроется, и она прекрасно видела, что ее клиентки щедры со мной. Но я настаивал, и через три месяца она стала платить мне по двадцать евро за вечер.

Платить «по-белому».

Она утверждает, что ей это стоит вдвое дороже. Я навел кое-какие справки и возмутился, что она перегибает палку, так что через полгода она подняла выплату до тридцатки. Это было два года назад, и хотя днем у меня другая работа, несколько недель назад я потребовал прибавки до пятидесяти евро.

— Ты совсем сдурел! При нынешнем кризисе, ты что, смерти моей хочешь?

— У нас битком каждый вечер, ты нанимаешь две смены. И мы часто пашем до полуночи.

— Не сейчас, потом посмотрим.

Я не буду особо гоношиться, пианино — не настоящая работа, только дополнительный приработок. Здесь я ужинаю. И у меня право на две порции спиртного (причем я пью что хочу). Мне плевать на зарплату, я протестую из принципа.

Я играю.

Я счастлив каждый вечер, с половины восьмого до половины одиннадцатого в будни, до половины двенадцатого по пятницам и субботам.

О влиянии Дэвида Боуи на судьбы юных созданий

А часто до полуночи.

Кое-кто может подумать, что я лишен честолюбия и довольствуюсь малым. Это не так. Я не витаю в облаках и осознаю свой уровень. Когда с трудом читаешь ноты, когда интуитивно выбираешь более легкие и приятные на слух мелодии, когда любишь только попсу и к тому же считаешь Нино Рота, Эннио Морриконе и Элтона Джона величайшими композиторами нашего времени, другими словами, более интересными, чем Шопен или Лист, а их музыку куда более волнующей и берущей за душу, то надеяться особо не на что. Классическая музыка мне глубоко претит. Нет ничего скучнее, чем концерт в Плейель¹. Если только вы не настроились подремать, разумеется. А я играю каждый вечер. Мне еще и платят за работу. Я устроился куда лучше, чем большинство пианистов, которые вкалывали по шесть часов в день на протяжении двадцати лет, чтобы потом прозябать на пособие по безработице или, озлобившись на весь свет, закончить карьеру преподавателем музыки в каком-нибудь заштатном коллеже. Конечно, никто не приходит специально из-за меня, для них музыка — фон, они начинают слушать, между десертом и сыром, но какая разница, если в этот момент они ненадолго прикрывают глаза, отдаваясь мелодии, и на краткое мгновение счастливы. Ко мне каждый вечер подходят посетительницы — поблагода-

¹ *Плейель* — концертный зал в Париже, один из самых больших залов в мире.

ритель, и делают со мной селфи, просят сыграть любимый отрывок, который навевает на них воспоминания, многие аплодируют, другие целуют, а некоторые подсовывают номера своих телефонов, заговорщицки подмигивая.

Но я стараюсь не смешивать работу и чувства, иначе рискую все испортить. Обслуживающий персонал должен уметь держать дистанцию, верно? Очень скоро я с удивлением заметил, что посетительницы принимают меня за женщину. В этом специфическом месте — отныне это установленный факт, сама очевидность — они смотрят на меня, улыбаются, разговаривают при мне, как если бы я был одной из них, потому что, когда я сижу за своим пианино, с моей мягкой повадкой, манерой заправлять довольно длинные волосы за ухо, в черной шелковой рубашке и смокинговом пиджаке, ничто в моем облике не может вызвать сомнений. Я обожаю эту двусмысленность и всячески ее поддерживаю, ничего специально не делая, просто оставаясь самим собой, вот за что я люблю это место. Я эквилибрист на канате, натянутом над пропастью, некий играющий пианист... или пианистка.

Поди знай.

А в те вечера, когда никто меня не замечает или не аплодирует, я все равно счастлив. И в те вечера, когда никто не подумал оставить чаевые, тоже. Наверно, жаль, что такое случается все чаще. Видимо, дело в кризисе. Невелика важность, я играю не ради бабок, а для себя,

О влиянии Дэвида Боуи на судьбы юных созданий

и поэтому мне хорошо. Других амбиций у меня нет. Ни в смысле престижности работы, ни в смысле хорошей ее оплаты. Я только надеюсь сохранить это место подольше.

Последние два года, что я работаю здесь, я вижу Стеллу чаще, чем Лену, и так даже лучше. Рядом со Стеллой жить легко, она не старается вас изменить, никогда не нападает и принимает таким, какой вы есть. У многих детей проблемы с родителями, похоже, это в порядке вещей. Только не в моем случае. У меня нет проблем с матерью.

Проблема — сама мать.

Такое ощущение, что она постоянно воюет со всем миром. Была надежда, что с возрастом это пройдет. Оказалось, мы тешились иллюзией; если и возникает впечатление, что она обрзумилась, то на самом деле только потому, что мы мало видимся, а значит, меньше времени и поводов для трений. В воскресенье, когда мы собираемся вместе и она заводит свои обличительные речи, я поступаю, как Стелла: стараюсь не реагировать и дать ей побушевать вволю, чтобы не лить воду на ее мельницу. В общих чертах, она ненавидит обывателей, богачей, бедняков, верующих, чиновников, тусовщиков, спортсменов, тех, кто получает социальную помощь, а также индюков и гусынь. В последние две категории она помещает гетеросексуалов — в сумме наберется немало народа, которые в ее глазах воплощают все самое гнусное и тошнотворное на этой земле. Стоит

ей о них заговорить, как она не может скрыть ни своего отвращения к этому мерзкому действию, ни вечного презрения к обитателям птичьего двора. Только гомосексуалы обоих полов достойны ее расположения, даже если они богачи, тусовщики или спортсмены. В Стелле нет этой агрессивности, она вполне терпима, ей просто плевать. Следует признать, проблема возникает редко, потому что их парочка встречается практически только с гомосексуалами. Даже по работе.

*

Иногда их разделяет еще одно. Стелла из левых, а мать вовсе нет. Той крупницей политического сознания, которая у меня имеется, я обязан Стелле. На нее сильно повлияли годы работы в «Эр Франс» и ее бывшая должность профсоюзного представителя, а уход с компенсацией по договоренности сторон ничего не изменил в ее убеждениях. Стелла обожает ходить на демонстрации вместе со своими старыми профсоюзными друзьями. Они встречаются в бистро где-нибудь на площади Данфер или Републик, жарко обнимаются, делятся последними новостями и присоединяются к процессии. С тех пор как она живет с Леной, мы не пропустили ни одного шествия на Первомай, даже когда лило как из ведра и ряды заметно редели. Совсем маленьким я принимал участие в демонстрациях, сидя на плечах у нее или у Барбары, ее бывшей подружки, или же у Ива или

Оглавление

«Con te partirò»	7
«In the Mood for Love»	85
«Puisque tu pars»	159
«Heroes»	260
«Papa Was a Rolling Stone»	304

Генассия Ж.-М.

Г 34 О влиянии Дэвида Боуи на судьбы юных созданий : роман / Жан-Мишель Генассия ; пер. с фр. Р. Генкиной. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2019. — 320 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-15478-0

Жан-Мишель Генассия — писатель, стремительно набравший популярность в последние годы, автор романов «Клуб неисправимых оптимистов», «Удивительная жизнь Эрнесто Че», «Обмани-Смерть» и др. Французские критики назвали его книгу «Клуб неисправимых оптимистов» великой, а французские лицеисты присудили свою Гонкуровскую премию. В его новом романе «О влиянии Дэвида Боуи на судьбы юных созданий» рассказывается забавная, трогательная и почти неправдоподобная история. Главный герой книги — Поль, подросток, обожающий музыку, по вечерам он импровизирует на фортепиано в ночном клубе. В остальном вроде бы все как у всех: школа, взросление, проблемы. Вот только семья не совсем обычная: у Поля две матери, отца он и в глаза не видел, а одноклассник и лучший друг Поля заверяет, что по уши влюблен в него. Словом, не жизнь, а минное поле! И Поль еще не знает, куда его заведут поиски отца и при чем тут легендарный андрогин Дэвид Боуи!

Впервые на русском!

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ЖАН-МИШЕЛЬ ГЕНАССИЯ
О ВЛИЯНИИ ДЭВИДА БОУИ
НА СУДЬБЫ ЮНЫХ СОЗДАНИЙ

Ответственный редактор Галина Соловьева
Редактор Елена Гуреева-Преображенская
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Татьяна Бородулина, Юлия Теплова

Подписано в печать 20.06.2019. Формат издания 84 × 90 ¹/₃₂.

Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 14.

Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

Y-SMN-23857-01-R